

Фото Ольги МОИСЕЕВОЙ

Лариса ГУЗЕЕВА: "Прошлое свое не люблю..."

Сцена. - С. - Пб. - 1993. - 28 авг. - с. 5

С Ларисой Гузеевой - "да какая я кинозвезда", - застенчиво улыбается актриса, - мы, встретившись спустя много лет, беседовали в скромной кухне ее маленькой квартирочки "светелки" на проспекте Ветеранов.

- Гузя, я хорошо помню истории твоего успеха. По коридорам Театрального института бродила угловатая, худющая, в зеленых вельветовых штанах, подозрительная девица, с черными синяками, страшная, как тень на заборе. Страшная. Потом вдруг - бах, "Жесточкий романс", Лариса-Бесприданница, и ты - чистая, нежная, исполненная романтической нежизни. Красивая. Сводящая с ума единственного по тем временам мужчину - лейбоя. Никиту Милкова.

- Странная, верно... Ведь все началось с того, что Шаруров, ну как-то там к слову тришлось, сказал Рязанову: в

Ленинграде, у Петрова учится очень странная девочка, с длинными волосами, худая. Рязанов с оператором своим Алисовым приехали на спектакль наш, "Фанфан-тюльпан". Однокурсницы мои каламбурили еще: "Давай, Гузеева, хорошо играй, вдруг тебя возьмут". Знали же, что Рязанов готовится к "Бесприданнице". Когда я потом подошла к Петрову и сказала: "Владимир Викторович, вы меня отпустите на съемки?", они подумали, что я уже совсем звезданулась, что у меня крыша поехала...

- Что, жрать начали, враги появились?

- Понимаешь, курс и до этого меня уже ненавидел, я ведь не блатная была и компанию водила другую - Курехин, Боря Гребенчиков. Курехин

был моим как бы мужем. Я, как бы это сказать, - пила портвейн в другой компании. Мне всегда не нравились и эти мальчики наши позорные, и девочки некрасивые...

- Бог с ними, с твоими прежними обидчиками. Карьера-то после "Жесточкого романса" закрутилась, ты стала сниматься в слабых фильмах, но часто. Видел тебя и пловчихой, и ткачихой, и мужик тебя какой-то из огня спасал... Но от давнего ощущения не избавиться - ты по-прежнему актриса одной роли, хотя, как я знаю, их у тебя 22...

- Конечно, к "Жестокому романсу" и к Рязанову можно по-разному относиться, но это - по всем делам Мастер, а в то время он вообще был "суперстар". Я у него сыграла и сразу вошла в Энциклопедию Советского Кино. Что у нас есть из женских-то ролей! Бесприданница, Настасья Филипповна, Анна Каренина и Наташа Ростова. Все.

- Не все. Еще старуха Изергиль есть...

- А фильмов-то потом у меня действительно много было, да вот ума мало. Не было человека взрослого, который мог бы что-то там подсказать, как себя вести...

- А как надо было себя вести?

- Ну, во-первых, картину Рязанова уничтожали - долбали все кому не лень. А поскольку все, кто снимался в картине, были неприкасаемые, все были Народные Артисты Земного Шара, - ругали меня, и очень сильно. Понимаешь, мне надо было научиться выживать и ждать. А я приходила в съемочную группу, и если там ко мне относились нормально, соглашалась играть. Мне было все равно. Вот и

на снималась в таком говне...

- И поэтому чуть не стилась "в хлам"?

- Да, все стало черным - меня закрутило, как в воронку. Со здоровьем что-то случилось: нарушился обмен веществ, я растопстела на сто килограмм... Это года четыре продолжалось...

- А нынешние благоприятные перемены в твоей судьбе связаны, как я догадываюсь...

- Ну да, вот с ним! (И Лариса подкидывает и звонко чмокает нарядного карапуза, полуторагодовалого сына Георгия). Я замуж, наконец, вышла нормально. С режиссерами нормальными остались хорошие отношения. С Масленниковым, с Виктором Титовым, с Володей Хотиненко. Недавно из Штатов вернулась, снималась у Всеволода Шиловского в его новой ленте. Он - дай ему Бог всего - и такой черноты меня вытащил...

- В СКВ платил?

- Да толку-то; получила за четыре съемочных дня "два лимона" на наши деньги, а где они... Все дорого...

- Помню переломный в твоем имидже "Спальный вагон" Владимира Хотиненко...

- Ну да, после него у меня пошли сплошь отрицательные бабы. Наигралась этих проституток, пришмондовок всяких... Жаль только, что "Мария Магдалина" Гены Воронина (московского режиссера), прошла как-то, как и все сейчас, в один день. Я там портючую шлюшку играю, несчастную бабу, одинокую.

- Там героиню твою, помнится, сон преследует противный, неотвязчивый, что толпа за ней гонится, жрет ее, ненавидит. Это твоя тема?

- Я прошлое свое не люблю. Все отсекаю. Знаешь, ес-

ли бы я снимала фильм о своей судьбе, никогда бы не вставила рапид: что бегу, ну как это везде бывает - по берегу моря, со счастливой слезой.

- А что бы ты снимала?

- Из прошлого бы не было ничего. Фантазировала бы о будущем. Но у меня самые примитивные фантазии.

- Расскажи.

- Если вечером не могу уснуть, я представляю, что у меня где-то дом, на каком-то острове, все есть и все шикарно. Родственники мои хорошо живут. И друзья. Все богаты и все занимаются своими делами. Что у моего мужа своя студия, и он пишет свои гениальные сценарии. В каждом из них - роль для меня. Я, видно, так настрадалась, так плохо жила, что хочу только идеального и только с хорошим концом.

- А, кстати, ты не собираешься уехать в те же Штаты?

- Да нет для меня идеальной страны, я же весь мир объездила. Везде была, куда ехать: Швейцария - шикарная, но скучная, Америка не скучная, но грязная... У меня же был муж - американец, козел, я с ним развелась. Я всем доказываю, что они там живут гораздо хуже, чем мы, потому что у них все в кредит. Если ты не получил наследство, если ты не в шоу - или в кинобизнесе, всю жизнь будешь ишачить и только потом, к богадельне поближе, расплатишься...

- Но работать и зарабатывать лучше все же там?

- Ну представь, Шиловский меня сейчас выдернул на две недели, а до этого я снималась в Грузии. Номер в гостинице был "распашонкой" - обшая уборная, тоненькие стены. Оператор, который меня

снимал, до утра горланил песни, веселился, зная при этом, что завтра я должна играть красавицу. Понимаешь, в один день все стало неинтересно. Профессия эта. Кино это воючее. Где каждый мудака, каждый бездарь, типа этого мужика, который всю жизнь снимал фильмы о спорте и кроме газет о спорте ничего не читал, учит меня играть! Единственная страна, где режиссер - Царь, а актер - никто и ничто, и звать его никак, дерьмо! Да где это видано, чтобы ассистентка по актерам, какая-то крысятница - без образования, без таланта - могла неделями сосать кровь актрисы, несчастной какой-нибудь дебютантки, только потому, что она "четверть века отдала студии"! Где это может быть, чтобы ночью режиссер, напившись до потери пульса, ломился к актрисе в номер, а утром - просветленный - командовал на площадке, заставляя тебя, всю ночь трясающую от ужаса, изображать наивную девочку с голубыми глазами!

- Тебе надоело кино?

- Мне часто кажется, что в эту профессию я попала случайно, что я никакая не актриса, и Георгий - это самое сильное, самое клевое, самое полноценное из того, что я пережила. Вот встречаюсь с подружками в Москве, которые не снимаются, - они черные от горя. А мне странно. Правда. Ну не снимаешься - роди ребенка, выйди замуж, заведи роман какой-нибудь обалденный, да? Так нет. Говорят, смиренно потупив глаза: "Да, сейчас я работаю в очень плохом спектакле, у меня две плохие роли в кино, но я должна постоянно работать". Это - онанизм, лабуда, никто ничего не должен. Берут вообще с улицы - и если это клевая роль, путный режиссер, зри-

тели все лежат в обмороке. Поэтому, если у меня такая судьба и мне нужно еще что-нибудь сделать, я сделаю, даже если буду - не знаю - мороженым торговать. Если нет - в каком бы дерьме сейчас ни снималась, у какого режиссера в театре ни работала бы - значит, не суждено. Это уж как Бог мне даст. Но расслабляться и ждать, когда какой-нибудь Вася пригласит в свое некрофильское кино, я сейчас не имею права. Я хочу. Вообще хочу жить нормально, богато. Купаться, загорать...

- Чем ты закончишь, как думаешь?

- Встретимся мы с тобой лет через тридцать, дай Бог дожить, в этой же квартире. Я буду сидеть, такая старая пришмондовка, курить "Беломор", если будет еще... Вокруг кошки, много кошек разных. Георгий будет жить в Лондоне. На столе будет стоять графинчик, прозрачный, с водочкой, больше ничего не будет. Будут висеть везде мои портреты, много. Сама буду в халате - старом, не модном, но дорогом, который я, допустим, привезла из Парижа. Буду прятать под полами халата ноги, худые и синие - зябнуть. Буду вспоминать, не смеяться, Рязанова и "Жесточкий романс". Периодически будут звонить в дверь соседи, называть Андреевна, но на "ты", и приносить что-нибудь из еды. А я буду выпивать, помалу - потому что много мне уже не надо будет. А ты скажешь: помнишь, как собиралась в Швейцарию, хотела стать богатой, с бассейном? А я тебе отвечу - "расхотела", я же не скажу, что не получилось...

Беседовал Игорь ЕВСЕЕВ